

С. А. Денисов

**СИМВОЛИКА ЛОЯЛЬНОСТИ К ВЛАСТИ
ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА У ПРУССОВ В XIII – XIV ВЕКАХ**

Институт археологии РАН, Россия
Поступила в редакцию 15.12.2022 г.
Принята к публикации 15.02.2023 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3

27

Для цитирования: Денисов С. А. Символика лояльности к власти Тевтонского ордена у пруссов в XIII–XIV веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 27–38. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3.

Формирование государства Тевтонского ордена в Пруссии, происходившее в XIII – XIV вв., опиралось, помимо военного давления, на отношения с местным населением, в основе которых находилось его инкорпорирование в систему условного землевладения. Данные отношения подразумевали, с одной стороны, репрезентацию власти ордена как коллективного правителя, а с другой – символическое выражение лояльности пруссов в различных сферах социальной коммуникации, таких как язык, ономастика и предметы материальной культуры. Цель статьи – определение способов выражения данной лояльности, которое позволяет охарактеризовать понимание пруссами своего положения в новых политических условиях. Для этого с помощью сравнительно-исторического, типологического и диахронно-синхронного методов были рассмотрены как письменные источники, так и находки из погребений прусских некрополей. Определено, что пруссы выражали лояльность к власти, принимая средневерхнегерманский язык, христианские имена и символы, а также знак Тевтонского ордена. Занимая место в прусской культуре, указанные элементы сосуществовали с традиционными именами, языком и принципами языческого погребального обряда. Подобное сосуществование различных по своему характеру символов стало одной из основ отношений пруссов и Тевтонского ордена, обеспечившей стабильное развитие государства вплоть до 1525 г.

Ключевые слова: символ, пруссы, Тевтонский орден, христианство, лояльность, акты, некрополи

Символ как один смыслообразующих элементов средневековой культуры обладал ключевым значением в политической и социальной коммуникации [7, с. 16–42, 56–102; 13, с. 6–27; 16, с. 27–51], обеспечивая, помимо прочего, процесс репрезентации власти и ее рецепцию представителями различных слоев общества [2; 6; 15, с. 297–362; 18]. Данное положение характерно для идеологии государства Тевтонского

ордена в Пруссии, формирование которого в XIII–XIV вв. было основано на выстраивании отношений с представителями автохтонного населения. В этот период орден, представляя свою власть как власть верховного коллективного правителя [10], наделял землями пруссов, инкорпорируя их таким образом в систему условного землевладения на положение ленников и локаторов [8, с. 143–148; 14; 47, S. 159–180, 387]. По сравнению с получением новых социальных статусов христианизация пруссов проходила более медленными темпами вследствие внимания ордена в первую очередь к политическому господству в регионе. В этом контексте возникает вопрос, каким образом пруссы демонстрировали свою лояльность новой власти. Эта демонстрация охватывала широкий круг сфер (язык, ономастика, предметы материальной культуры), так что целесообразным выглядит определение в настоящей статье основных направлений для решения сформулированной проблемы, требующих затем более детального изучения. Для этого обратимся к письменным свидетельствам и археологическим источникам. К первым относятся Христбургский мирный договор, заключенный 7 февраля 1249 г., акты, фиксирующие условные пожалования в XIII–XIV вв., хроника Петра из Дусбурга, завершенная в 1326 г. Ко вторым – предметы материальной культуры, найденные в погребениях XIII–XIV вв. из некрополей Штангенвальде (быв. нем. Stangenwalde), Гердауэн / Киндерхоф (Gerdauen / Kinderhof), Альт-Велау (Alt-Wehlau), Рувнина Дольна (Unter Plehnen) и Зимонишкен (Siemonischken) (рис. 1).

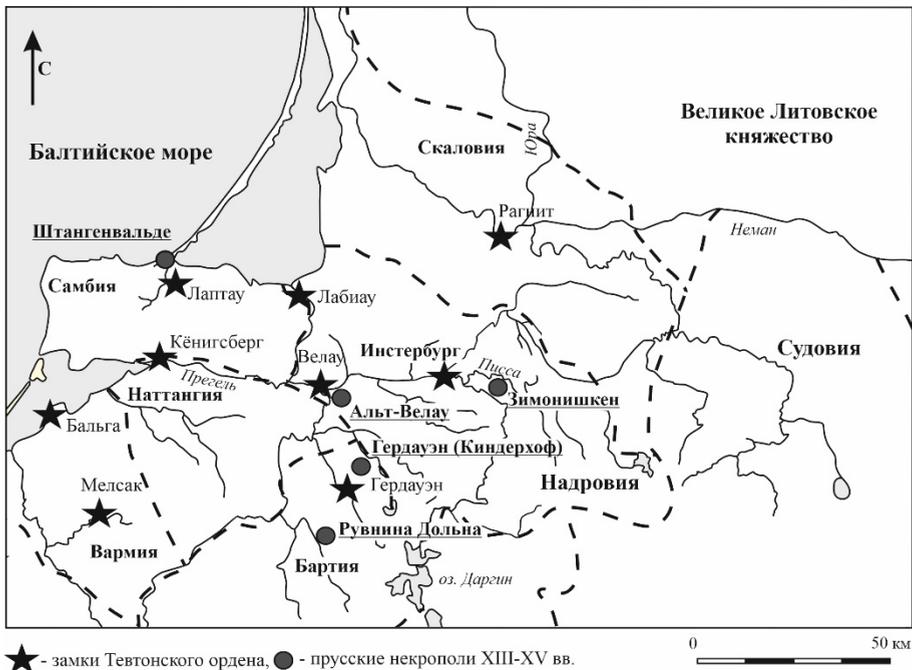

Рис. 1. Некрополи XIII–XV вв. в государстве Тевтонского ордена, где были найдены предметы, содержащие символическое выражение лояльности пруссов к верховной власти

Для решения поставленной задачи рассмотрим перечисленные источники с помощью типологического, сравнительно-исторического и диахронно-синхронного методов, что подразумевает выделение групп символов и их сопоставление друг с другом, а также с традиционными прусскими символами, существовавшими в рассматриваемый период и предшествующее время.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIII — XIV в., от начала покорения Пруссии до оформления социальной системы нового государства [17, с. 134; 21, S. 288 — 290].

Несмотря на свое значение для реконструкции отношений ордена и пруссов, сформулированный вопрос рассматривался в предшествующих исследованиях в контексте изучения системы религиозного синкретизма [3; 4; 9; 48], а также в рамках изучения отдельных предметов одежды и вооружения, демонстрировавших высокий социальный статус индивида в перечисленных некрополях [11; 12], и не получил специального освещения.

Обратимся далее к первому из названных аспектов — языковой сфере, лояльность в которой выражалась в изучении пруссами средневерхненемецкого языка. Этот процесс зафиксирован в хронике Петра из Дусбурга, в которой говорится, что вернувшийся из Магдебурга после завершения своего воспитания прусский нобиль Генрих Монте успешно применил против ордена полученные навыки, став одним из руководителей пруссов на втором этапе Великого восстания 1261—1273 гг. Это утверждение касалось не только умения вести войну, но и знания средневерхненемецкого языка. Разыскивая переселенцев из германских земель, укрывшихся от восставших, Генрих призывал их покинуть убежища, обращаясь к ним на средневерхненемецком языке (лат. *vox Theutonicus*), что ослабляло бдительность беглецов и позволяло пруссам схватить их [32, S. 128—129, №167]. Аналогичным образом поступали другие пруссы, которых братья ордена воспитывали до восстания. В хронике Петра из Дусбурга их имена не названы [Ibid.], однако согласно хроникам Симона Грунау и Луки Давида, созданным соответственно в 1526 и 1575—1583 гг.¹, для воспитания в Магдебург были отправлены следующие прусские нобили, возглавившие позднее восстание вместе с Генрихом Монте: Диване, Ауттуне, Гланде, Глаппе, а также происходивший из судовской знати Скоманд [30, S. 40, 67, 79; 42, S. 248]. Вместе с тем в более ранних источниках данные сведения не приводятся, что требует дополнительных доказательств. Обращение к средневерхненемецкому языку также отмечено в актах, фиксирующих получение пруссами земельных наделов в XIII—XIV вв. [34, S. 232. №347; S. 236—237. №350 etc.; 35, S. 149. №224; S. 540—542. №808, 810 etc.; 36, S. 172—173. №240 etc.; 37, S. 526—527. №643 etc.; 38, S. 567—568. №630 etc.; 39, S. 206—207. №363 etc.; 40, S. 51. №91 etc.; 41, S. 456. №793 etc.]. Использование пруссами одной и той же с завоевателями языковой системы позволяло символически представить себя как часть нового социума, а также имело практическое значение, помогая разобраться в делопроизводстве, фиксировавшем новые условия для использования земельного фонда.

¹ Во втором случае труд остался незавершенным.

Другим отражением лояльности пруссов к новой власти стало принятие ими христианских имен, происходившее по мере распространения новой религии. Наиболее показательным в этом смысле упоминание имен в хронике Петра из Дусбурга и актах, которые фиксировали службу пруссов ордену и церкви. Из 2087 персон, названных в источниках поименно, 537 обладали христианскими именами (Кристиан, Иоганн, Петр, а также измененными в форме именами — Матис от Матиас, Герко от Генрих и т.д.), 1550 — традиционными для пруссов, имевшими балтское происхождение (Гедете, Сантунге, Садлуке и др.) [23; 26; 45]. В упоминании данных имен можно выделить два периода. В 1231—1283 гг. орден покорял Пруссию за счет военного давления, частично привлекая на службу автохтонное население. Тогда раздача условных владений была затруднена военными действиями, в результате которых участки находились под угрозой разорения [8, с. 145—146]. Несмотря на это, в названных источниках упоминаются поименно 112 пруссов, перешедших на сторону ордена. Из них 8 носили христианские [24, р. 102—104. №57; 32, S. 122—123, №148; 34, S. 86—87. №100; S. 189—191. №263; S. 213—214. №314; S. 244—245. №362; S. 244—245. №362; 35, S. 434—435. №651; 46, S. 89—91. №182], а 104 — балтские имена [24, р. 105—107. №59, 60; р. 109—110. №62; 32, S. 63, №24; S. 64, №26; 34, S. 116—117. №140; S. 142. №174 etc.; 36, S. 55—56. №77; S. 183—184. №255; 46, S. 12—13. №46; S. 29—30. №59; S. 33. №63 etc.]. Во второй период 1283—1370 гг., когда после победы ордена происходило наиболее активное инкорпорирование пруссов в новую социальную систему², в источниках упоминается 1975 имен. Число христианских имен на протяжении указанного времени росло постепенно без резких колебаний. Их распределение в наиболее густонаселенных прусских землях отражено в таблице.

Распределение имен в 1283—1370 гг. в прусских землях

Земля	Имена	Число	Ссылки
Помезания	Христианские	52	[34, S. 392—393. №619; S. 433—434. №690 etc.; 35, S. 147—148. №223; S. 262. №351 etc.; 36, S. 128. №179; 37, S. 506. №618; 38, S. 141—142. №157; S. 372. №411 etc.; 39, S. 11—12. №22; S. 54. №95; 40, S. 68. №125; S. 161. №284; 41, S. 419. №737; S. 449—450. №780 etc.]
	Балтские	149	[34, S. 305. №475; S. 312—313. №485 etc.; 35, S. 82—84. №129, №130; S. 86. №133 etc.; 36, S. 55—56. №77; S. 61. №83 etc.; 37, S. 423—424. №552; S. 622. №730 etc.; 38, S. 119—120. №131; S. 198—199. №228 etc.; 39, S. 11—12. №22; S. 54. №95; 40, S. 29. №54; S. 48—49. №86 etc.; 41, S. 449—450. №780; 24, р. 366—368. №214].

² После 1370 г. число новых пожалований пруссам значительно снизилось вследствие сокращения свободных земель и решения ордена использовать наемную армию.

Продолжение табл.

Земля	Имена	Число	Ссылки
Погезания	Христианские	43	[24, p. 412–414. №246; 25, p. 135. №132; 34, S. 419–420. №669, 670; 35, S. 352. №521; S. 390–391. №589; 36, S. 86–87. №120; S. 187. №262 etc.; 37, S. 316–317. №448; S. 526–527. №643; 38, S. 392. №431; S. 541–542. №600; 39, S. 11. №20; S. 16. №29; 40, S. 76. №138; S. 182. №283; 41, S. 315. №565; S. 316. №566].
	Балтские	120	[24, p. 412–414. №246; 25, p. 120–121. №114; P. 135. №132; 34, S. S. 339–340. №539; S. 525–527. №836 etc.; 35, S. 265. №358; S. 300–301. №417 etc.; 36, S. 54–55. №76; S. 83–84. №116 etc.; 37, S. 316–317. №448; S. 526–527. №643 etc.; 38, S. 348. №376; S. 373. №412 etc.; 39, S. 10. №18–20; S. 16. №29; 40, S. 183. №324; 41, S. 315. №564; S. 315. №565; S. 317. №567 etc.].
Вармия	Христианские	150	[24, p. 111–113. №64; P. 118–119. №69 etc.; 25, p. 192–193. №195; P. 249. №251 etc.; 35, S. 375. №561; S. 570–571. №847 etc.; 36, S. 174. №242; S. 182. №254 etc.; 37, S. 552–553. №671; 38, S. 139–140. №153, 154 etc.; 39, S. 347–348. №618, №619; S. 348–349. №621 etc.; 41, S. 310. №554; S. 349–350. №620 etc.].
	Балтские	287	[24, p. 113–115. №65, 66 etc.; 25, p. 100. №96; P. 127. №122; 34, S. 333–335. №530, 531 etc.; 35, S. 414–415. №627; 36, S. 174. №242; S. 182. №254 etc.; 37, S. 310–311. №444; S. 416–417. №544 etc.; 38, S. 137–138. №150, 151 etc.; 39, S. 292. №521; S. 347. №617 etc.; 41, S. 328. №582; S. 352. №625 etc.].
Бартия	Христианские	120	[24, p. 162–163. №93; P. 350–351. №202 etc.; 25, p. 142–143. №141; P. 114–116. №107 etc.; 35, S. 385–386. №580; S. 464. №700; 36, S. 146. №202; S. 179. №248 etc.; 37, S. 323. №461, 462 etc.; 38, S. 285–286. №318, S. 350. №379 etc.; 39, S. 124. №217; S. 125. №220 etc.; 40, S. 13. №22; S. 140. №244 etc.; 41, S. 304–305. №538; S. 306. №543 etc.].
	Балтские	350	[24, p. 116. №67; P. 230–231. №131 etc.; 25, p. 119. №111; P. 120. №113 etc.; 35, S. 371–372. №555; 36, S. 165–166. №228, 229 etc.; 37, S. 307. №441; S. 320–321. №455 etc.; 38, S. 109. №114; S. 116. №125 etc.; 39, S. 126–127. №227; S. 143. №256 etc.; 40, S. 105. №188; S. 179. №318 etc.; 41, S. 305. №540, 541].

Окончание табл.

Земля	Имена	Число	Ссылки
Наттангия	Христианские	71	[35, S. 261. №350; 36, S. 104. №141; S. 177–178. №245 etc.; 37, S. 322. №458; S. 324–325. №464 etc.; 38, S. 138. №152; S. 140. №155 etc.; 39, S. 6. №11; S. 7–8. №13–15 etc.; 40, S. 15. №25; S. 225. №407; 41, S. 299. №528; S. 301. №531 etc.].
	Балтские	173	[35, S. 519–520. №781; 36, S. 133–134. №185; S. 142. №195 etc.; 37, S. 317–318. №449; S. 319. №451–453 etc.; 38, S. 194–195. №221; S. 221–222. №252 etc.; 39, S. 122–123. №212, 213 etc.; 40, S. 25. №47; S. 196. №347 etc.; 41, S. 305. №539; S. 307. №547 etc.].
Самбия	Христианские	100	[34, S. 448. №718; 35, S. 374–375. №559; S. 539–540. №806 etc.; 36, S. 115–116. №159; S. 144. №199 etc.; 37, S. 302. №436; S. 343. №480 etc.; 38, S. 207. №237; S. 278. №312 etc.; 39, S. 102–103. №184; S. 108–109. №192 etc.; 40, S. 126. №219; S. 132. №230 etc.; 41, S. 336. №597; S. 368. №656 etc.; 46, S. 87–88. №179; S. 135. №224 etc.].
	Балтские	466	[34, S. 328. №522; S. 331. №527; S. 341–342. №542 etc.; 35, S. 139–140. №205–207 etc.; 36, S. 126–127. №176, 177 etc.; 37, S. 496–497. №583; S. 528. №644 etc.; 38, S. 126. №139; S. 280–281. №314 etc.; 39, S. 100. №180; S. 108–109. №192 etc.; 40, S. 126. №220; S. 188. №331 etc.; 41, S. 302. №534; S. 368. №656 etc.; 46, S. 104–106. №195, 196 etc.].

Как видно из таблицы, традиционные балтские имена количественно преобладают у землевладельцев над христианскими в соотношении от 1,9:1 до 4,7:1, что говорит об устойчивой традиции имянаречения, сложившейся в период, предшествующий орденскому завоеванию, и медленно менявшейся в течение указанного времени. Данная ситуация была обусловлена тем, что христианизация прусских земель, проявлением которой было распространение соответствующих имен, происходила усилиями церкви, которая смогла приступить к установлению полного контроля за религиозной жизнью в XV в. [5, с. 297–298]. В свою очередь, Тевтонский орден уделял большее внимание политическому господству в Юго-Восточной Прибалтике, начав после покорения Пруссии борьбу с Великим княжеством Литовским за Жемайтию. Эти условия продлили существование в прусских землях традиции имянаречения, сложившейся в доорденский период.

Важным аспектом ономастики того времени является использование христианских и балтских имен внутри одной семьи. В актах зафиксированы 112 подобных случаев [24, р. 285–286. №164; Р. 443–444. №268 etc.; 25, р. 134–135. №131, 132 etc.; 35, S. 268–269. №361; S. 310–311.

№437 etc.; 36, S. 154–155. №215; S. 155–156. №220 etc.; 37, S. 425–426. №554; S. 528–530. №645 etc.; 38, S. 392–393. №431, 432 etc.; 39, S. 11. №20; S. 144. №258 etc.; 40, S. 175. №307; S. 183. №324 etc.; 41, S. 315. №565; S. 317. №569 etc.; 46, S. 181–182. №266; S. 219. №291 etc.]. Как правило, речь идет о братьях, один из которых обладал христианским именем, а другой – балтским, или об отцах и дядьях, носивших традиционные для их социума имена, с одной стороны, и сыновьях, и племянниках, принявших крещение под новыми именами, – с другой.

Следующим проявлением лояльности пруссов была рецепция символов новой власти в материальной культуре. Одним из наиболее ранних событий стало принятие прусским нобилем Гедуне знамен чешского короля Оттокара II Пшемысла (1253–1278) во время его похода в Самбию в 1255 г., совершенного в интересах Тевтонского ордена. Согласно хронике Петра из Дусбурга, король передал нобилю знамена (лат. *vexilla*), которые тот должен был поместить на дома своих родственников, чтобы сохранить им жизнь. Однако Гедуне не успел сделать это, что привело к гибели его брата Рингела с семьей и слугами [32, S. 90–92, №71]. Несмотря на то что нобиль демонстрировал лояльность не ордену, а чешскому королю, указанный случай говорит о способности пруссов к принятию символов новой власти для того, чтобы сохранить жизнь и имущество.

Более регулярно рассматриваемая лояльность представлена на предметах, которые указывали на принадлежность к христианству, трактуемую в контексте покорения Пруссии как принятие стороны ордена. Речь идет прежде всего о кольцевидных фибулах типа «*Ave Maria*» (тип 1.3 по М.Х. Сёвсё [43, s. 185–187]), на внешней стороне которых содержатся христианские надписи на латинском языке. Данные предметы скрепляли разрез на горловине длинной туникообразной одежды и благодаря своему расположению подходили для демонстрации социального статуса и /или религиозных представлений владельца [1, с. 105–107]. В Пруссии такие фибулы, изготовленные из бронзового сплава, найдены в некрополях Штангенвальде (7 предметов) и Гердауэн (2 предмета) в составе инвентаря погребений, совершенных по обряду ингумации. Все фибулы разделяются по размерам и надписям, содержащимся на них. Фибулы из Штангенвальде (4 предмета) имеют диаметр 3,1–4,8 см, ширину рамки 0,6–1 см, толщину 0,1 см и содержат надпись «*AVE MARIA*»³ (рис. 2, 1) [22, S. 259, 293, 294. Abb. 28]. Еще 3 фибулы имели надпись «*AMOR VINCIT*»⁴, однако они не сохранились [22, S. 259]. Фибулы из некрополя Гердауэн имеют диаметр 2,8 см, ширину рамки 0,6–0,7 см, толщину 0,2 см и содержат надпись «*MARIA BE(ATA) G(L)O(RIA) T(IB)I R(EG)INA G(L)O(RIA) T(IBI)*»⁵ (рис. 2, 2) [44, Nr. PM Pr 12746, 12793].

³ «Радуйся, Мария» (лат.).

⁴ «Любовь побеждает» (лат.).

⁵ «Мария, Блаженная, слава Тебе, Царица, слава Тебе» (лат.).

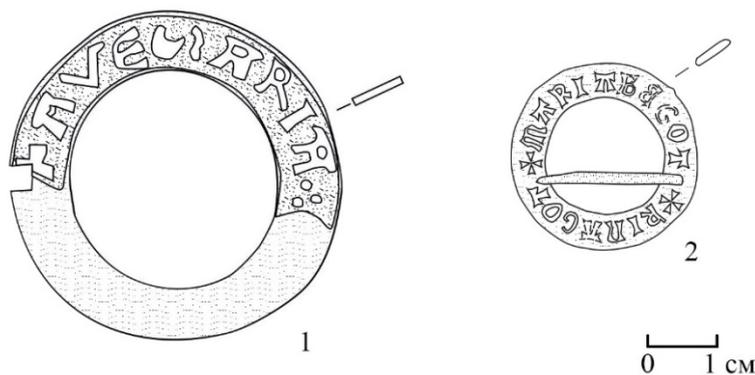

Рис. 2. Фибулы типа «Ave Maria» из некрополей Штангевальде (рис. из [22, S. 329, Taff. 14.1]) и Гердауэн (рис. автора)

Рассматриваемый тип фибул широко распространен в Европе в XIII—XV вв. в городах и погребальных комплексах от Англии до Карпат [19, с. 67; 20, S. 357; 27, р. 255], поэтому его появление в Пруссии можно связать с общей для различных регионов тенденцией к символической демонстрации вероисповедания, получившей в государстве Тевтонского ордена дополнительное значение лояльности верховному магистру. Помимо фибул, принадлежность к новой вере подчеркивалась, возможно, при помощи железных подвесок в виде равноконечных крестов, помещаемых в состав ожерелий из бусин. Такие предметы найдены в 6 женских погребениях: в одном комплексе в Рувине Дольне [31, s. 127, taff. XVII: 9] и 5 погребениях в Альт-Велау [3, с. 108]. Размер подвесок составил $2,7-4,9 \times 0,3-3 \times 0,2-0,4$ см⁶. Изображение равноконечного креста существовало на различных предметах материальной культуры в Юго-Восточной Прибалтике до прихода ордена [12, с. 150], что позволяет рассматривать данный случай как возможное наделение уже известного пруссам символа новым значением принадлежности к христианству.

Наряду с подвесками рассматриваемое изображение содержат пряжки и накладки от поясов, найденные в захоронениях воинов в некрополях Альт-Велау и Зимонишкен. В первом из памятников указанное изображение обнаруживается в трех погребениях: в одном на пряжке размером $10,1 \times 0,4-3,2 \times 0,3-0,9$ см (погребение 225), в другом — на квадратных накладках, прикрепленных к поясу, размер которых составил $2,4-2,5 \times 2-2,2 \times 0,2-0,4$ см (погребение 131) [12, с. 149]. Во втором памятнике равноконечный крест изображен только на квадратных накладках одного пояса. Их размер аналогичен накладкам из Альт-Велау [28, Taff. XIV].

Право носить «рыцарский пояс» (лат. *cingulum militare*) зафиксировано в Христбургском договоре, заключенном между орденом и пруссами 7 февраля 1249 г. [33, S. 160.51. №218]. Присутствие на нем христианской символики должно было так же, как и в случае с использовани-

⁶ Здесь и далее размеры приводятся по длине, ширине и толщине.

ем подвесок, подчеркнуть принадлежность его владельца к новой вере. Однако при этом обращает на себя внимание то, что, выражая свою принадлежность к новой религии, пруссы тем не менее придерживались в рассматриваемый период традиции языческого погребального обряда, сопровождая умерших разнообразным инвентарем. Данная ситуация, как и в случае с имянаречением, обусловлена медленной христианизацией прусских земель во второй половине XIII – XIV в.

Более акцентированно отношение пруссов к Тевтонскому ордену обозначило совмещение его знака, черного креста в белом поле, с изображением козла, жертвенного животного прусского верховного бога Перкунаса, сделанное на пряжке «рыцарского пояса» из погребения 161 некрополя Альт-Велау. Размер предмета составил $8 \times 1,9 - 2,8 \times 0,2 - 0,4$ см [11; 12, с. 150]. Это сочетание основывалось на предшествующей традиции помещать изображения животных на деталях одежды, характерной для Западной и Центральной Европы [12, с. 4] и нашедшей выражение в Юго-Восточной Прибалтике в форме изображений сакрального животного, посвященного Перкунасу [3, с. 106, рис. 2.4, 5; 12, с. 149 – 150; 22, S. 255 – 257, 290 – 292. Abb. 25; 29, p. 72, 74, 76 etc.]. В этом контексте сочетание символов, призванное продемонстрировать лояльность нобилей власти Тевтонского ордена и одновременно их приверженность предшествующей традиции, выглядит не только как локальный символический синкретизм, но и как результат контакта новых тенденций в материальной культуре Восточной Европы, затронувших Прибалтику, и традиционной системы представлений.

Таким образом, для большинства рассмотренных способов проявления лояльности характерно сочетание символики — одновременное использование христианских и балтских имен, в том числе внутри одной семьи, расположение фибул с христианскими надписями, подвесок в виде равноконечных крестов и поясов в погребениях вопреки канону, а также совмещение на последних из указанных предметов символики Тевтонского ордена и бога Перкунаса. Этот символический синкретизм не только отражал перемены, происходившие в общественном устройстве и мировоззрении пруссов, но также являлся одной из основ отношений между ними и орденом, обеспечившей стабильное функционирование нового государства вплоть до 1525 г.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Археологические древности Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№НИОКТР 123011200018-7)».

Список литературы

1. Белай Ю. Кольцевидные фибулы в контексте костюма и мировоззрения высокого и позднего средневековья // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 104 – 113.
2. Бойцов М.А. В шкурах или пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 46 – 87.
3. Валуев А.А. Итоги изучения грунтового могильника Альт-Велау // Проблемы балтийской археологии : сб. науч. тр. / науч. ред. Э.Б. Зальцман. Калининград, 2003. С. 104 – 108.

4. *Валуев А.А.* Сохранение элементов языческих традиций в культуре пруссов в орденское время (по материалам археологических раскопок могильника Альт Велау у пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области) // Археологические исследования в Калининградской области : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград, 2006. С. 136–149.

5. *Валуев А.А., Денисов С.А., Скворцов К.Н.* Амулеты-подвески «медвежий коготь» из погребений XIII–XV вв. некрополя Альт-Велау // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 290–306.

6. *Воскобойников О.С.* Репрезентация власти и «Искушение портретом». О нескольких изображениях Фридриха II // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н.А. Хачатурян ; сост. О.С. Воскобойников. М., 2008. С. 264–300.

7. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.

8. *Денисов С.А.* Прусские ленники в государстве Тевтонского ордена в период Великого восстания (1242–1283) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, №3. С. 141–151.

9. *Денисов С.А.* Религиозный синкретизм пруссов в XIII–XV вв. по данным письменных и археологических источников // Новые материалы и методы археологического исследования : матер. VI конф. молодых ученых (Москва, 16–19 марта 2021 года). М., 2021. С. 136–138.

10. *Игошина Т.Ю.* Государь вопреки идеологии: Верховный магистр Немецкого ордена // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 133–156.

11. *Кулаков В.И., Валуев А.А.* Тевтонский крест и бог Перкуно // Наука в России. 1999. №6. С. 80–85.

12. *Кулаков В.И.* Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. №1. С. 147–158. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19012 (дата обращения: 14.11.2022).

13. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / пер. с фр. Е.В. Морозовой ; общ. ред. С.К. Цатуровой. М., 2001.

14. *Матузова В.И.* Прусские нобили и Немецкий орден // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 281–287.

15. *Польская С.А.* Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.). М. ; СПб., 2017.

16. *Тодоров Ц.* Теории символа / пер. с фр. Б. Нарумова. М., 1998.

17. *Трокаль Т.В.* Государство Тевтонского ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

18. *Федоров С.Е.* Liber regalis и английские королевские инсигнии // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 5–37.

19. *Хорват А.П., Хатхази Г.* Печенеги и куны. Археологическое наследие // Труды Института востоковедения РАН. М., 2018. Вып. 7 : Тюркские кочевники в Азии и Европе: Цивилизационные аспекты истории и культуры / отв. ред. Д.Д. Васильев. С. 8–87.

20. *Ade D.* Die hoch- und spätmittelalterlichen Funde von der Konstanzer Marktstätte // Die Konstanzer Marktstätte im Mittelalter und der Neuzeit: Auswertung archäologischer Grabungsbefunde zur mittelalterlichen Landgewinnung, zum Hafenaufbau, zur Bebauung und zur neuzeitlichen Marktplatznutzung / hrsg. von M. Dumit-rache. Wiesbaden, 2018. S. 269–404.

21. *Biskup M., Labuda G.* Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1988.

22. Biermann F., Hergheligiū, Voigt H., Benz M., Blum O. Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung – Auswertung der Materialien im Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 2011. Bd. 43. S. 215–345.

23. Blazene G. Altpreußische Eigennamen in den auf Latein und Mitteldeutsch verfassten Quellen // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI (чтения памяти И.М. Тронского) : матер. Междунар. конф., проходившей 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 59–73.*

24. *Codex Diplomaticus Prussicus* / hrsg. von J. Voigt. Königsberg, 1836. Bd. 1.

25. *Codex Diplomaticus Prussicus* / hrsg. von J. Voigt. Königsberg, 1842. Bd. 2.

26. *Dukavičienė I. XIII amžiaus prūsų asmenvardžiai prūsų registre* // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2015. T. 72. S. 221–245.

27. Egan G., Pritchard F. *Dress accessories, c. 1150-c. 1450. L., 2002.*

28. *Festschrift zum 25jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg / Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*. Insterburg, 1905. Hft. 9.

29. *Kariauti pratusi tauta. A nation skilled in war: lietuvių karinis elitas XIII–XIV a.* / sudarytojai P. Bugys, S. Venckūnienė, E. Zaveckienė. Vilnius, 2020.

30. *Lucas David's Preussische Chronik* / hrsg. von E. Hennig. Königsberg, 1813. Bd. 4.

31. *Odoj R. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w Równinę Dolniej, pow. Kętrzyn 1956 i 1957 r.* // *Rocznik Olsztyński*. 1958. T. 1. S. 117–156.

32. *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae* // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 1 / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 21–219.

33. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1881. Bd. 1. Hft. 1 / hrsg. von R. Philippi.

34. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1909. Bd. 1, Hft. 2 / bearb. A. Seraphim.

35. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1932–1937. Bd. 2, Lief. 1–3 / hrsg. von M. Hein, E. Maschke.

36. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1944. Bd. 3, Lief. 1 / hrsg. von M. Hein.

37. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1958. Bd. 3, Lief. 2 / hrsg. von H. Koeppen.

38. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1964. Bd. 4 / hrsg. von H. Koeppen.

39. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1969–1975. Bd. 5, Lief. 1–3 / hrsg. von K. Conrad.

40. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1986. Bd. 6, Lief. 1 / hrsg. von K. Conrad.

41. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 2000. Bd. 6, Lief. 2 / hrsg. von K. Conrad.

42. *Simon Grunau's Preussische Chronik* / hrsg. von M. Perlbach. Leipzig, 1876. Bd. 1.

43. *Søvsø M. H. Middelalderlige ringspænder. Typologi, datering og brug* // *Kuml*. 2009. Bd. 58. S. 183–211.

44. *Staatliche Museen zu Berlin, Museum für Vor- und Frühgeschichte*. Nr. PM Pr 12746. URL: https://recherche.smb.museum/?language=de&question=%22Gerdauen+%28%C5%BDede%C5%BEenodoroznyj%29%2C+Kaliningradskaja+Oblast%2C+Russland%22&limit=15&controls=none&conditions=AND%2Btitles%2BAve-Maria-chnalle&collectionKey=MVF* (дата обращения: 13.11.2022).

45. *Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen, 1974.

46. *Urkundenbuch des Bisthums Samland* / hrsg. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig, 1891–1905. Hft. 1–3.

47. *Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13.–16. Jahrhundert)* / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 2010.

48. *Wadył S.* The sacred sphere of Prussian life in the Early Middle Age // Sacred space in the State of Teutonic order in Prussia / ed. by J. Wenta, M. Koczyńska. Toruń, 2013. P. 39–58.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов — канд. ист. наук, Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

S. A. Denisov

SYMBOLISM OF LOYALTY TO THE POWER OF TEUTONIC ORDER AMONG THE OLD PRUSSIANS IN THE 13–14th CENTURIES

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Received 15 December 2022

Accepted 15 February 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3

To cite this article: Denisov S. A. 2023, Symbolism of loyalty to the power of Teutonic order among the Old Prussians in the 13–14th centuries, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 27–38. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3.

Formation of the State of Teutonic Order in Prussia in the XIIIth–XIVth centuries based beside military oppression on the relations with local population supported by the incorporation of them in the system of condition landholding. These relations implied, from the one hand, the representation by the Order its own status as a collective ruler, and from the other hand, symbolic expression of the loyalty of Old Prussians in various spheres of social communication: language, onomastic, objects of material culture. Definition of the ways to express loyalty that is the purpose of the article allows to characterize the comprehension of Old Prussians their own status in new political conditions. For this purpose by the using of the old comparative-historical, typological and diachronous-synchronous methods were researched both written sources and funds from the Old Prussian necropolis. It allows to define that Old Prussians expressed their loyalty by the reception of Middle High German language, Christian names and symbols and sign of Teutonic order. Being included in the culture of Old Prussians these elements co-existed with traditional names, language and principle of heathen funeral rite. The resulting co-existence of the symbols different by their character became one of the basis for the relations between Old Prussians and Teutonic order that provided stable development of the State until 1525.

Keywords: symbol, Old Prussians, Teutonic order, Christianity, loyalty, acts, necropolis

The author

Dr Sergey A. Denisov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>